

Источники и литература

1. Богданович М. И. Восточная война 1853-1856 гг. / М. И. Богданович. – СПб., 1876. – Т. 1-4.
2. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя / Н. Ф. Дубровин. – СПб., 1900. – Т. 1-3.
3. Зайончковский А. М. Восточная война 1853-56 гг. в связи с современной ей политической обстановкой / А. М. Зайончковский. – СПб., 1908-13. – Т. 1-2.
4. Тарле Е. В. Крымская война / Е. В. Тарле. – 2 изд. – М., 1950. – Т. 1-2.
5. Горев Л. Война 1853-1856 и оборона Севастополя / Л. Горев. – М., 1955.
6. Бестужев И. В. Крымская война 1853-1856 гг. / И. В. Бестужев. – М., 1956.
7. Рахматуллин М. А. Воины России в Крымской кампании / М. А. Рахматуллин // Вопросы истории. – 1972. – № 8.

Таймазова Л.Л.**УДК 821.161****ДОМ ПОЭТА М. ВОЛОШИНА, ЕГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Как известно, дом – не просто жилище человека, а способ выражения его внутреннего мира. В культуре некоторых народов, которая тесно связана с местом их обитания, новорожденного кладут на голую землю, для того чтобы установить символическую связь между этим ребенком и духовной составляющей земли, где он родился. Таким способом даже в том случае, когда жизнь трудна, в душе человека всегда есть чувство принадлежности.

Впоследствии само жилище становится основным элементом материальной и духовной культуры человека. Дом связывал человека с миром, упорядочивал личное пространство, создавал гармонию в жизни.

Местоположение дома в пространстве изначально существенно определяло представления человека о мире: дом задавал границы между пространством внутренним, своим, понятным, привычным, соответствующим обычаю, и внешним, чья действительность была чужда обжитому домашнему миру.

Следовательно, понятие дома есть «понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [6, с. 126], воплощение всех культурных ценностей.

В традициях русской классической литературы дому отводится особое место: это вневременная универсалия, связанная с представлениями о семье, родстве, близких людях, предшествующих поколениях, о любви и заботе, о личностном начале. Спокойное течение жизни, наслаждение простым человеческим счастьем, гармония с природой и окружающими людьми – вот те ценности, которые воплощает в себе дом в культуре XIX века.

Ситуация кардинально меняется в начале нового столетия: «<...> Мир начинает расширяться, разрывая свои границы. Возникает уходящая во все стороны бесконечная связь: с одной стороны, она дает простор и свободу, с другой – лишает человеческое существование объективной точки опоры. Человек получает простор для движения, но зато становится бездомным» [4, с. 255]. В первые десятилетия XX века проблема дома становится одной из болевых точек эпохи, особенно для творческой интеллигенции. Кроме духовно-культурного измерения, дом приобретает и нравственно-философское: одни писатели были вынуждены оставить дом-жилище, чтобы в эмиграции сохранить дом в качестве духовной величины; другие – переосмыслить свое отношение к дому и связанным с ним ценностям в соответствии с требованиями новой идеологии и морали. Так или иначе, в творчестве многих больших художников тема дома становится определяющей.

Значимость феномена Дома обусловлена, в первую очередь, тем, что европеизированная русская культура XX века обращается к своим отечественным истокам, так как перед ней встает проблема сохранения и развития национального в новой культурной ситуации, проблема восстановления цельности духовного и общественного сознания. При этом, географические координаты Дома, его пространственные понятия становятся материалом для построения культурных моделей бытия.

Поскольку значимость Дома в создании картины мира очевидна и представляет собой реализацию универсальных оппозиций (внешний/внутренний), результатом которых является самоосознание, создание модели мира, актуальность заявленной темы несомненна.

Цель данной статьи – раскрыть историко-культурное значение Дома Поэта М. Волошина как важнейшей духовной структуры, соединяющей разные времена, судьбы, периоды бытия. Для этого нам необходимо, прежде всего, определить место и обосновать фундаментальную роль Дома Поэта в культуре Серебряного века.

Созидание своего дома – один из главнейших ориентиров человека в выборе судьбы, в исполнении самого смысла жизни. Всякое строительство, всякое возведение жилья означает начало новой жизни. Построить дом – значит не только сложить его стены. Это, прежде всего, построить определенную модель бытия, выстроить особую шкалу ценностей, позволяющих существовать в гармонии с собой и с миром.

Именно таким, на наш взгляд, построил свой Дом, найдя в нем смысл жизни и истину бытия, оригинальный поэт, художник и мыслитель XX века Максимилиан Волошин. Это сделало «и самого поэта, и его Дом духовной экзистенциальной опорой для многих творческих людей, заброшенных судьбой в ситуацию кризиса» [5, с. 14].

Для строительства своего Дома Волошин выбрал место, с которым он связал дальнейшую свою судьбу. Это – Коктебель, на восточном берегу Крыма, где, по мнению поэта, совпали время и пространство, миф и

действительность, история и природа. Года рождения Коктебеля никто не знает. Но известно, что уже в VIII в. на его территории находилось крупное средневековое поселение, превратившееся со временем в морской торговый город. Долины вокруг Карадага издавна были обитаемы. Свидетельство тому – каменные шлифованные молотки, найденные у восточного склона горы Карадаг. В начале I в. до н.э. в этих местах жили легендарные киммерийцы, самый древний из обитавших в Крыму народов. В средневековые жители Коктебеля были, скорее всего, местные племена – потомки тавров и скифов, смешавшиеся с выходцами из Боспора – греками, сарматами и аланами. В X в. поселение разрушено печенегами. Со временем на месте нынешнего Коктебеля возникла татарская деревушка, а с середины XIX в. тут образовалось болгарское поселение.

Не сразу Волошин открыл для себя Коктебель. Чтобы понять истинную красоту и неповторимость Коктебеля, по собственному признанию поэта, понадобилось много лет блужданий по дальним странам и берегам. Позже, в воспоминаниях, он объяснит свое первое непонимание так: «Через много лет я понял истину, что при первом впечатлении бросаются в глаза заранее известные “общие места”. Поэтому я искал в Коктебеле “общих мест” юга, а их тут необычайно мало. Первое лето я видел только скупость и скудость природы и красок. А их необыкновенная выразительность и элегантность для меня оставалась недоступной. Понадобились долгие годы моей юности, посвященные искусству и странствиям, чтобы открыть оригинальность и красоту Коктебеля» [1, с. 281]. Но это потом, а пока... Волошин путешествует по Европе: Австрия, Италия, Швейцария, Франция, Германия. Осенью 1900 года, предупреждая возможную ссылку (как участвовавшего во Всероссийской студенческой забастовке, его исключат из Московского университета и вышлют в Феодосию с документами о неблагонадежности), отправится в среднюю Азию на изыскания трассы Ташкентско-Оренбургской железной дороги.

В 1903 году Волошин, по настоянию матери, которая приняла Коктебель сразу и навсегда, решил построить дом и таким образом «пустить свои корни» в глубины древней коктебельской земли. Все в этом месте располагало к высокому настрою души – и спокойная, круглая бухта, непрестанно меняющая оттенки – от бирюзового до темно-фиолетового, и холмистый ландшафт как мелодия веков, и чистота воздуха, напоенного запахами йода и полыни. «После долгого пути по плоскогорьям и ложбинам вдруг раскрывалась долина Коктебеля. И на всю жизнь в памяти остался залив, замкнутый “зубчатым окоемом гор”, с его чистыми, неожиданно яркими красками, ставший “нечаянной радостью” в жизни многих людей. Казалось, каждая покрытая щебнем тропинка в горах, облако, столбом встающее на горизонте, каждый куст, несмолкаемый прибой – все здесь насыщено духовной, почти человеческой жизнью и мыслью» [3, с. 351].

Участок под дом выбран на самом берегу моря, между двух ручьев. Известно, что первый вариант дома не вполне устраивал Волошина, у него не было своего «лика». В 1912 году Волошин реконструирует дом, пристроив еще и мастерскую. Этот вариант, существенно отличавшийся от предыдущего, соответствовал задумке поэта и стал таким, каким выглядит сегодня. Просторный дом с художественной мастерской и башней для астрономических наблюдений усилиями хозяина превратился в место паломничества литературно-художественной интеллигенции.

Все было рассчитано для большого размещения гостей, чтобы всем работалось и отдыхалось поудобнее. Скоро здесь сложилась своеобразная творческая колония «обормотов» (определение Волошина), в которой высокая духовная жизнь и творческие искания сочетались с активным весельем и отдыхом.

В Доме Поэта в разные годы жили самые одаренные и образованные люди своего времени: художники, поэты, писатели, актеры... Волошин был не просто хозяином этого Дома, но его сердцем, открытым для каждого: «Дверь открыта. Переступи порог. / Мой дом раскрыт навстречу всех дорог...» [2, с. 363]. Это радушиное приглашение как бы расширяет понятие «Дом поэта» до понятия «Мир поэта».

Здесь в разное время работали и отдыхали Н.С. Гумилев, А.Н. Толстой, М.И. Цветаева, Л.Е. Фейнберг, М.М. Пришвин, О.Э. Мандельштам, В.Ф. Ходасевич, Г.А. Шенгели, А.М. Горький, И.Г. Эренбург, М.А. Булгаков и многие другие. Заметим, что поток гостей не уменьшился и после смерти поэта. В мемуарах многих из них запечатлены проникновенные воспоминания о Коктебеле и Доме Поэта как о самом значительном и незабываемом периоде их жизни. В статье «Дом-музей М.А. Волошина», в этом своеобразном панегирике, Андрей Белый вспоминает: «Деятели культуры являлись сюда москвичами, ленинградцами, харьковцами, а уезжали патриотами Коктебеля. Сколько новых связей завязывалось здесь. В центре этого орнамента из людей и их интересов видится мне приветливая фигура Орфея – М.А. Волошина. <...> Он был вдохновителем мудрого отдыха, обогащающего и творчество и познание. Здесь поэт Волошин, художник Волошин являлся людям и как краевед, и как жизненный мудрец» [3, с. 425].

Путешествуя по окрестностям Коктебеля, каждый раз по-детски открывая его для себя, к Волошину пришло долгожданное прозрение. Свои чувства, свое постепенное «влюбление» в Киммерию, в Коктебель он выражал поэтическими строками:

«Припаду я к острым щебням, к серым срывам размытых гор,
Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.

Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный Коктебель!» [2, с. 98].

И вот уже в воспоминаниях Е. Герцик находим совершенно убежденное признание поэта: «“Вы знаете Коктебель?” – и перед глазами у меня пустынный амфитеатр гор и море, синее которого не увидишь в Крыму. <...> Там на безлюдном берегу ни дома, ни деревца... А он (Волошин) сказал: “Коктебель моя родина, мой дом – Коктебель и Париж, – везде в других местах я только прохожий”» [3, с. 335].

Своей трепетной любовью к Коктебелю Волошин непременно заражал всех вокруг себя. Из воспоминаний Анастасии Цветаевой, сестры Марины Цветаевой: «И уже тянулась под растопленной лиловизной Максина иммерийская степь, холмистая, незнакомая, выжженная (он сказал – вулканическая?). Затем показались горы <...>. Холмы, тая и вновь вырастая, сменяются, пепельно-желтые; шоссе, завернув, вытягиваются светлой стрелкой, и вдруг, из-за пологой помехи холма впереди, где только что была даль под желтым пеплом, – как резцом выточенная от земли к небу, стоит незабываемая, не забытая и по сейчас панорама: три горы от суши справа, к морю, – слева, падая в него крутым мысом, три горы, настолько разные, что только художник мог поставить на сини небесного полотна: готические острия радугой – полукруг горы, поросший зеленым лесом, и вновь скалы, громоздящиеся к хребту, коронообразному, рушащемуся в море крутым великаным профилем, Зевсовым. Господи! Максиным! Да это же голова Макса» [9, с. 372-373].

Любовь свою Волошин пронес до конца дней своих. Известный ученый-биолог И.И. Пузанов, описывая в воспоминаниях свою последнюю встречу с М. Волошиным, состоявшуюся в 1931 году (за год до смерти поэта), отметил: «<...> На прощание поспорили с Волошиным относительно возлюбленного им коктебельского ландшафта. “Все-таки, Максимилиан Александрович, – сказал я, – могучие сосновые боры и буковые леса, одевающие горы и холмы нашего Западного Крыма или настоящей Тавриды, импонируют мне больше, чем голые холмы вашей Киммерии!” – “Очевидно, вам больше нравится женщина, закутанная в покрывало, чем нагая Афродита?” – иронически спросил Волошин...» [8, с. 15].

Волошин мечтал создать у себя в доме бесплатный «дом отдыха», так называемую «художественную колонию». «Художественная колония» на базе волошинского Дома Поэта де-факто существовала уже давно, но в новых социальных условиях, с регулярными попытками местных властей экспроприировать дом, поэт хотел иметь официальное подтверждение. В 1923 году он направляет прошения в различные инстанции, напоминает об Охранной грамоте ВЦИКа, защищающий его дом, о безвозмездной пользе, которую он приносит деятелям культуры и искусства. Ему удается отстоять свой духовный очаг. «Председатель Старо-крымского райисполкома Г.Д. Стамов (вскоре он будет убит) вступает за поэта и уверяет его, что “местные органы Рабоче-Крестьянского Правительства не менее Центра умеют ценить дорогих для Республики граждан”» [7, с. 570].

Присутствие М. Волошина, необычайная притягательность его личности и творчества превратили Коктебель в особое экзистенциальное пространство, в котором реальный мир и духовный, объект и субъект образуют особую целостность, что в свою очередь выливается в полноценное бытие-в-мире [5]. Вспоминает поэт Г. Шенгели: «Коктебель – республика. Со своими нравами, обычаями и костюмами, с полной свободой, покоящейся на “естественном праве”, со своими патрициями – художниками и плебеями “нормальными дачниками”».

И признанный архонт этой республики – Максимилиан Волошин. Хорошо в его скромном дворце. Вы поднимаетесь по легкой деревянной лестнице, где Вас дружелюбно облаивает лохматый Аладин, и входите в “башню-мастерскую”. Хоры вокруг стен, многоэтажная библиотека, пестрые драпировки вперемежку с акварелями и японскими эстампами, в глубокой нише-“каюте” – гипсовая голова царевны Танах, на многочисленных полках – кисти и краски, куски базальта и фантастические корневища, выбрасываемые морем» [3, с. 360].

Дом Поэта с его особо насыщенной интеллектуальной и духовной атмосферой, блестящей библиотекой по литературе и искусству, а также живым и творческим общением сыграл большую роль в становлении новых поколений писателей и поэтов. В многочисленных литературных диспутах и спорах о литературном творчестве, поэтических состязаниях и конкурсах совершенствовались творческая мысль, взгляды на эстетику и искусство, воспитанные на лучших традициях русской и западноевропейской культур. Дом Поэта как бы передавал литературно-художественную эстафету от уходящей литературной эпохи эпохе грядущей.

И сегодня Дом Поэта играет значительную роль в культурной жизни Крыма.

Здесь находятся машинописные рукописи архивных материалов поэта. Сами оригиналы после необходимой обработки (перепечатки и фотосъемки) были переданы в 1975 году в ИРЛИ (Фонд 562). В Доме Поэта хранятся рукописи (в перепечатке) всех стихов поэта, его эссеистика, литературно-критические статьи, статьи об искусстве. Здесь и его переписка со многими корреспондентами (А.М. Петровой, Е.О. Волошиной, Ю.А. Галабудским, Я.А. Готовым – братом поэта, А.В. Пешковским и др.), и волошинские автобиографии, свидетельство о рождении, дневники писателя, документы разного назначения (от оформления купчей на земельный участок до справок Луначарского о неприкосновенности Дома Поэта). Волошин был прекрасным фотографом и оставил в наследство огромный архив визуальных документов. В жилой части Дома сохранена вся обстановка в том же расположении, что и при жизни поэта: мольберты, рабочие стеллажи, живопись (Богаевского, Сабашниковой, Волошина, Диего Риверы, Петрова-Водкина и др.), скульптура, библиотека, которая насчитывает свыше 9 тысяч наименований. Книги в библиотеке расставлены так же, как и при Волошине: вдоль лестницы на антресоли – периодика, на антресолях – издания на французском языке (около 3 тысяч), в легнем кабинете – проза на русском языке, книги по истории, философии, искусству, а также по археологии, астрономии, биологии, медицине и т.д.

Несомненно, Дом Поэта и после смерти М. Волошина продолжает выполнять функции созидания и сбережения культуры, заданные хозяином.

Источники и литература

1. Волошин М. А. История моей души / М. А. Волошин. – М. : Аграф, 2000. – 480 с.
2. Волошин М. А. Молось за тех и за других : стихи, поэмы, статьи / М. А. Волошин. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
3. Волошин М. А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / М. А. Волошин. – М. : Правда, 1991. – 480 с.
4. Гвардини Р. Конец нового времени. – Феномен человека. Антология / Р. Гвардини. – М. : Высш. шк., 1993. – 349 с.
5. Курьянова И. А. Феномен жизнетворчества в культуре переходного типа : автореф. дис. ... канд. филос. наук : спец. 09.00.04 «Философская антропология и философия культуры» / И. А. Курьянова. – Симферополь, 2004. – 21 с.
6. Непомнящий В. С. Лирика Пушкина как духовная биография / В. С. Непомнящий. – М. : МГУ, 2001. – 236 с.
7. Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог / С. М. Пинаев. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 661 с. – (Жизнь замечат. людей: сер. биогр. ; вып. 917).
8. Пузанов И. И. «...В памяти грядущих поколений» (Из воспоминаний) / И. И. Пузанов // Крымские пенаты : альманах. – 1997. – № 4.
9. Цветаева А. И. Воспоминания / А. И. Цветаева. – М. : Советский писатель, 1983. – 768 с.

Школа Г.М.**УДК 821.161.2 +94 (477)****КРИМСЬКА СТОРІНКА ЖИТТЯ ТРОХИМА ЗІНЬКІВСЬКОГО
ТА ВАСИЛЯ КРАВЧЕНКА**

Актуальним видається дослідження впливу навчання та військової служби на процес формування особистості. Життєвий та творчий шлях українських громадських діячів Т. Зіньківського та В. Кравченка вивчався українськими вченими. Проте перебування письменників у Криму не було предметом окремих наукових розвідок.

Об'єкт дослідження – життєвий та творчий шлях українських письменників-реалістів. Предметом статті є кримська сторінка життя й творчості Т. Зіньківського та В. Кравченка.

Мета розвідки – схарактеризувати значимість перебування українських письменників, громадських діячів Т. Зіньківського та В. Кравченка в Криму.

Поставлена мета передбачає розв'язання таких завдань: з'ясувати значення навчання в Феодосійському учительському інституті на формування особистості письменників; простежити вплив військової служби у м. Сімферополі на життєвий та творчий шлях майбутніх професійних військових.

Крим як науково-культурний центр після входження до складу Російської імперії приваблював жителів найближчих територій. Зокрема, Феодосійський учительський інститут зацікавив уродженців м. Бердянська (нині – Запорізька область) Трохима Зіньківського (1861–1891) та Василя Кравченка (1862–1945).

Трохим Зіньківський (Звіздочот, Певний) – письменник, перекладач, мовознавець, лексикограф, фольклорист, публіцист, громадський діяч, військовий юрист. Національна свідомість Т. Зіньківського найяскравіше проявилась в його художніх («Кудюю йти?», «Історична казка») та публіцистичних творах («Молода Україна, її становище і шлях», «Національне питання в Росії», «Шевченко в світлі європейської критики»).

На думку С. Єфремова, Т. Зіньківський «ставив перед українським громадянством нові завдання свідомого українства, замість опортуністичного українофільства, в яке вродився етнографічно-культурницький напрям попереднього десятиліття» [1, с. 511].

Діяльність Т. Зіньківського була в полі зору Б. Грінченка, М. Комарова, О. Кониського, Василя Лукича (В. Левицького), О. Огоновського, В. Самійленка, М. Сумцова, І. Франка та ін. Так, у некролозі «Пам'яті Т. Зіньківського-Певного» О. Кониський зазначив внесок Т. Зіньківського в розвиток української національної справи: «Певний справді був певним українським Русиним, певним демократом, певним тим національним радикалом, яких помножи нам Господи сторицею! Не кохався він у фразі, не гнався за модними словами, не поспішав, щоб скрізь бути першим, він був чоловік праці, діла на тій колючій стежці, якою неминуче треба йти нам до свого народно-національного ідеалу» [5, с. 274].

За радянських часів відомості про національно свідому особистість не популяризувалися. Лише в останнє десятиліття ХХ ст. інформація про Т. Зіньківського стає більш доступною. До творчого спадку митця зверталися О. Масенко, А. Погрібний, В. Скрипка, А. Поповський, П. Соколов, Л. Костецька, С. Кіраль, Ю. Шевельов та ін.

Близьким другом Т. Зіньківського був В. Кравченко. Вони товаришували ще з раннього дитинства: «Батьки наші жили двір з двором, а через те й ми здружилися у такі літа, як кажуть, сам себе починаєш пам'ятати», – згадував пізніше В. Кравченко [7, с. 1].

Василь Кравченко – письменник, фольклорист, етнограф і діалектолог, фундатор Товариства дослідників Волині та Волинського науково дослідного музею, один із засновників Волинської фольклорно етнологічної школи, наставник цілої плеяди наукових і освітніх кадрів доби українізації.

Зацікавитись народознавчими проблемами В. Кравченка побудив саме Т. Зіньківський. Зокрема, у листі від 15.02.1888 р. він радив товаришеві-прапорщику: «Чом тобі б та не взятися ось за яке діло: збирати